

КРАЕВЕД

ДИВНОГОРСКИЙ
ГОРОДСКОЙ МУЗЕЙ

Выпуск №1 (36)

БОРИСУ НИКОНОВУ - 60!
ДИВНОГОРСКИЕ
ЭТЮДЫ КОРЧАГИНЦА 70-Х

Борис Никонев прожил короткую, но яркую жизнь. Трагическая случайность на долгие годы приковала его к постели, но он не сдался: учился, много читал, начал писать. Теперь уже известные литературоведы и писатели называют его рассказы самобытными и очень интересными.

А родился Борис 18 июня 1949 года на берегах Енисея, в старинном сибирском селе Аспагаш Новосёловского района. Семья была большая — пятеро детей. Младшие братья, Борис и Виктор, что на год старше, были неугомонными заводилами всех мальчишеских дел в Аспагаше. Энергии у них хватало на всё: и на работу в совхозе, когда надо было перелопачивать зерно; и на помощь по дому — на их совести были дрова, огород и поросята. И на всевозможные мальчишеские затеи, например, на подготовку полёта на Северный полюс, когда аспагашские авиаторы, старшему из которых было двенадцать лет, на самодельном самолёте всерьёз собирались штурмовать неведомые дали. И на хорошую учёбу. Кстати, и в школе Виктор и Борис были всегда рядом, благо она состояла лишь из одного кабинета, где первый ряд был 1-м классом, второй — 2-м, а третий — 3-м классом.

В 1956 году умер отец, Фёдор Парфёнович, и Никоневы вслед за старшей сестрой Тамарой перебираются на строительство Красноярской ГЭС. В мае 1960 года приехал в Дивногорск и Борис. Свои впечатления о первых днях на новом месте он выразил в рассказе «Мой город»: «Мне ярко помнится Дивногорск шестидесятого года: горластый, дымный, движущийся. Грязные, размокшие от дождя улицы. Весь город был ископан вдоль и поперёк канавами, и дивногорцы, как матросы, качались на дощатых переходах...».

Осенью Борис пошёл в пятый класс. И здесь он сразу же проявил свои лидерские качества и творческие способности. Уже в октябре в газете «Огни Енисея» появилась небольшая статья, где были отмечены успехи Бориса в школьной самостоятельности. Но воскресным августовским днём 1961 года случилось непоправимое несчастье: Борис упал с кедра, сломал позвоночник, серьёзно повредил внутренние органы. Детство на этом безвозвратно закончилось, и начался новый этап — борьба за жизнь, в которой всё было против Бориса, всё, кроме его негибаемого характера, жажды жизни и стремления быть полезным своим родным, друзьям, Родине.

Прикованный к постели, он продолжал учиться и начал творчески работать: писать стихи, рассказы, повести. Борис не мог оставаться вне общественной жизни, к нему постоянно приходили друзья, молодые строители ГЭС из бригады сестры, зятя, брата.

В 1964 году ученик 8 класса Борис Никонев был принят в комсомол. 27 апреля, в день, когда член бюро горкома ВЛКСМ Василий Шитик вручал Борису комсомольский билет, в тесную комнатушку Никоневых втиснулись чуть ли не все одноклассники, друзья и родные. А когда они разошлись и остался один самый-самый друг Валерий Потылицын, Борис предложил дать

РУСЬ

Апрельская густая синева,
Стою на перекрёстке трёх дорог.
А в сердце тают давние слова
Про отчий дом, родительский порог.

А я смотрю, как смотрит месяц
В пруд,
Как выпадают росы по лугам.
Как по ночам подсолнухи цветут,
Роня лепестки к моим ногам.

А там, за полем, мой родимый дом,
Но уходит сегодня наш черёд.
В степи далёкой манит космодром,
И к звёздам отправляет
нас в полёт.

Знакомые, тягучие как грусть,
Плывут над нами песни-корабли.
Но нет — не сказка,
это просто — Русь
С берёзкой, затерявшейся вдали.

На эти слова в 1999 году известный дивногорский композитор Валерий Зайцев написал прекрасную музыку.

*Я был на рассвете кафельной плиткой
и мажорной и первой водкой
и дню на Земле не прошло без меня
на этой Земле молодой*

И.А. Шулинин

клятву — на всю жизнь. На листе ученической тетради они написали клятву, своеобразный моральный кодекс «Как быть человеком», а расписались под ней кровью. Ныне этот пожелтевший листок хранится в фондах Дивногорского городского музея.

С 1965 года стихи и рассказы Б. Никоневы начали печататься в газете «Огни Енисея», впоследствии он стал нештатным корреспондентом нашей городской газеты. Его произведения начали публиковать краевые СМИ, они зазвучали по радио и телевидению. Но 9 ноября 1969 года Бориса не стало.

Как это нередко бывает, более широкую известность и признание литературного дарования принесло время. В 1975 году за цикл рассказов крайком ВЛКСМ удостоил Бориса Никонев по смерти званием лауреата Премии Ленинского комсомола Красноярского края.

В 1977 году в Москве вышла первая книга Бориса «Дивногорские этюды», удостоенная в 1978 году премии Всесоюзного конкурса на лучшую первую книгу молодого автора. Виктор Петрович Астафьев в предисловии к «Дивногорским этюдам» писал: «...много отпущено было природой Боре Никоневу или, старинно говоря, создатель щедро метнул в сибирское село Аспагаш золотых зёрен, и они обернулись самоцветом...». В том же году Борис посмертно

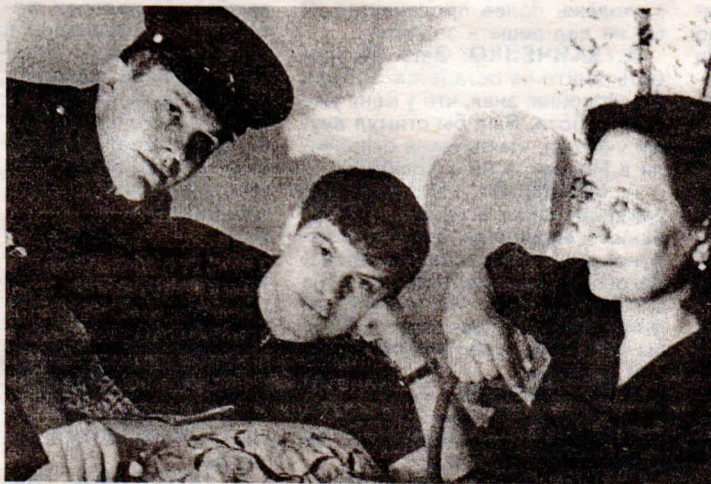

ФОТО
ИЗ ФОНДОВ
ДИВНОГОРСКОГО
ГОРОДСКОГО
МУЗЕЯ.

С самыми близкими людьми. Слева — старший брат Виктор, справа — мама Мария Мордаришна.

Со своими литературными наставниками. Слева — Владимир Зыков, справа — Иван Шулинин.

Страница подготовлена директором Дивногорского городского музея И.Г. Фёдоровым. Логотип разработан руководителем информационного центра ДГМ КИВАЧУКОМ К.В.

Рассказ

ХЛЕБ

На праздники все из дома уезжали в гости. Дед оставался один. Молчаливые тени призрачно плыли по квартире, а за окном был солнечный день. Дед сидел на диване, положив на сухие колени трясущиеся руки, думал о чём-то своём. Седая круглая голова качалась над узкими плечами. Дед походил на сфинкса, безнадежно изуродованного ветрами и потому мудрого. Синяя стрелка на циферблате часов писала правильные круги, и деду становилось тоскливо.

Он подходил к столу, медленными движениями наливал рюмку водки и пил. Тело немного болело и становилось более послушным. Потом дед, тихо покряхтывая, надевал красные полуботинки, брал на палец немного сливочного масла и смазывал их, чтобы лучше блестели.

Через полчаса его сгорбленная фигура появлялась из сырой тьмы подъезда и шествовала мимо окон по тротуару, то туда, то сюда. Одет он бывал в клетчатую рубашку с глухим воротом; седые волосы намочены и аккуратно зачесаны набок. От выпитого вина нос деду становился сухим и блестящим.

Мимо деду проходили люди. Женщины были весёлыми и беззаботными. Ни одной некрасивой не встречалось деду. Они были не такими, как женщины его молодости — краснощёкими и крепкими. И все увиденные им женские лица постепенно слились в памяти в одно — красивое и молодое.

Дед останавливался, провожал женщин взглядом, а они уходили и, запрокинув головы, над чем-то смеялись. Дед стеснительно прятал за спину трясущиеся руки, и тусклые глаза заволакивала покорная грусть.

Но на этот раз на праздники дед остался не один, а с внучкой Танькой — белокурой девчонкой с большими бледно-голубыми глазами и бойким курносным носом.

Дед только что выпил рюмку и пошёл прогуливаться под окнами. Танька сидела на полу, резала ножницами цветную бумагу и напевала:

Ти-ибя нет почему-што?!

Я хочу, чтоб ты был,

Что-об всегда-а жже

Смотре-ел на миня-я...

Рядом, выгнув спину, ходил рыжий кот и смотрел на Таньку зелёными глазами.

Хлопнула входная дверь, и в прихожей зашаркали старческие шаги деду. Танька перестала петь и, не оборачиваясь, повелительно сказала:

— Разувай ботинки!

Шаги смолкли, но тут же опять немощно зашелестели, и дед вошёл в комнату. Танька гневно косилась, как дед, проливая водку на стол, наполнял рюмку.

— Не разулся? — встал с полу, спросила Танька. — Хрыч старый!

Дед молча взял рюмку и выпил. Танька подскочила к столу и выхватила из-под протянутой руки деду плетёную из меди хлебницу с нарезанными ломтами хлеба.

— Дай хлебушка, — обиженно попросил дед. — Экая ты сопля!

Дед уловил щекощущий запах хлеба и проглотил слюну.

Танька подала деду хлебницу, а когда тот протянул руку, быстро убрала. Дед покорно пожевал бесцветными губами. Танька запрядала вокруг стола и показала деду язык.

— Сатана! — покорно сказал дед. — Доколь ты меня мучить будешь? Я ж тебя създала пестовал. Пороть тебя нужно, как сидорову козу. Эхма. Истинно сатана!

— А ты ско-оро умрёшь! — пропела Танька. — Так тебе и надо, так тебе и на-адо!

Дед встал и пошёл на Таньку, неуклюже растопырив руки. Танька прошмыгнула под его рукой и толкнула в спину. Дед мешком повалился и уткнулся лицом в сиденье дивана, потом, неуклюже ворочая костистым задом, поднялся и сел на диван. Танька опять запрядала и сделала деду рожки.

— Хлеба не получишь! — сказала она. — Мамка тебе не велела ходить обутым, вот!

— Старый я, — слабо прошелестел дед, — вот и не нужен никому...

Из глаз его выкатилась мутная слеза и расплылась кружком на белом чехле дивана.

— Накажет вас бог-то, — безнадежно пообещал дед, — бог — он всё видит. Хлеба пожалела! А-а?

— Боженки не бывает, — наставительно сказала Танька, снова принимаясь резать бумагу, — его придумали! Та сам-то пошто не разулся? Какой! — Танька поджала верхнюю губу и укоризненно покачала головой.

Дед уже не слушал её. Он сидел молча, уронив трясущиеся руки на диван, и о чём-то думал. Миражные, медлительные, как туман, образы плыли перед его глазами: многоэтажные дома, солнце, по серебристой ленте тротуара идёт женщина и, гибко запрокинув голову, смеётся в небо.